

Л.Г. Морган

Древнее общество

**или Исследование линий человеческого
прогресса от дикости через варварство к
цивилизации**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Л11

Л11 **Л.Г. Морган**
Древнее общество: или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган – М.: Книга по Требованию, 2023. – 368 с.

ISBN 978-5-458-28852-1

Данная книга - основная работа великого американского этнолога Льюиса Генри Моргана (1818-1881), вышла в свет в 1877 году, положила начало систематическому изучению истории первобытного общества. "Книга его - одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху - сказал Фридрих Энгельс о книге Моргана.

ISBN 978-5-458-28852-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

кой Кювье по найденным около Парижа костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там некогда жили вымершие сумчатые животные, — с такой же достоверностью можем мы по исторически унаследованной системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи»¹.

Морган устанавливает пять разных и следующих друг за другом форм семьи, которым соответствует особый порядок брака. В схематическом виде построение Моргана выглядит так:

Форма брака:	Форма семьи:	Система родства:
Громискуитет	—	—
1 ступень		
Групповой брак родных и коллатеральных братьев и сестер	Кровнородственная семья	Малайская
2 ступень		
Организация на основе полового различия и обычай „пуналуа“, с тенденцией ограничить брак между братьями и сестрами	Пуналуальная семья. Она произвела родовую организацию, которая устранила братьев и сестер от брачной связи	Туранская и ганованская
3 ступень		
Брак между отдельными лицами, однако без устранения внебрачных сношений	Синдиасмическая (парная) семья	—
4 ступень		
Брак одного мужчины с несколькими женщинами	Патриархальная семья (не всеобщая ступень семьи)	
5 ступень		
Брак между отдельными парами при исключительном сожительстве	Моногамная семья	Арийская, семитическая и уральская

Подводя итог мыслей Моргана по истории развития начальных форм семьи, Энгельс говорит: «развитие семьи в первобытную эпоху сводилось... к постепенному суживанию того круга, первоначально охватившего все племя, внутри которого господствует супружеская общность между полами. Путем последовательного исключения сперва более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец даже просто свойственников, в конце концов фактически становится невозможным всякий вид группового брака, и в результате остается одна брачная пара, пока еще не прочно соединенная, та молекула, с распадением которой прекращается брак вообще»². Следующая форма семьи — «моногамная семья обязана своим происхождением собственности, как синдиасмическая, содержащая в себе зародыш первой, обязана своим происхождением роду»³.

Морган не считает, что моногамная семья является конечной формой семьи, ибо, «если мы признаем, говорит он, что семья в своем развитии прошла четыре последовательные формы и теперь находится в пятой, то возникает сразу вопрос, сохранится ли эта форма в будущем. Единственный возможный на это ответ состоит в том, что она должна прогрессировать, как прогрессирует общество, и должна изменяться, как изменяется общество, точно так же как это было и в прошлом. Семья представляет собой продукт социальной системы и отражает ее культуру. Поскольку моногамная семья совершила большой прогресс с начала цивилизации, в особенности в новейшее время, то можно во всяком случае ожидать, что она способна совершенствоваться и далее, пока не будет достигнуто равенство полов»⁴. Развивая эту мысль Моргана, Энгельс пишет: «...освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду и... это требует, в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества»⁵.

В четвертой и последней главе «Древнего общества» Морган подводит итог всему вы сказанному им в предыдущих главах по вопросу о развитии собственности. Исходя из того, что в первобытном обществе господствовали коллективные формы собственности, Морган показывает, что хотя идея частной собственности возникла в периоде дикости, «нужен был весь опыт этого периода и следующего периода варварства, чтобы этот зародыш

¹ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 38—39.

² Там же, стр. 51.

³ «Древнее общество», стр. 219.

⁴ Там же, стр. 288.

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 72.

развился и чтобы человеческий ум приготовился принять ее ограничивающее действие. Ее господство как страсти над всеми другими страстями знаменует начало цивилизации. Она привела человечество не только к преодолению всех препятствий, задерживавших наступление цивилизации, но и к учреждению политического общества на основе территории и собственности»¹.

С огромной проникновенностью показав роль частной собственности в разложении первобытного коммунистического общества и в создании классового общества, Морган приходит к заключению, что классовое общество будет заменено будущим коммунистическим обществом, так как «голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества...».

«Гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знание. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»².

Особое место в работе Моргана занимает защита моногенизма. Рядом неопровержимых данных он доказывает, что человечество имеет единое происхождение, «что человеческие потребности при аналогичных условиях были по существу одинаковы и что проявления умственной деятельности, в силу видовой тождественности мозга всех человеческих рас, были однородны»³. Поэтому «теория вырождения человечества, объясняющая существование дикарей и варваров, должна быть оставлена. Она возникла в качестве вывода из космогонии Моисея и была принята из мнимой необходимости, ныне не существующей. Как теория она не только не способна объяснить существование дикарей, но и не находит себе подтверждения в данных человеческого опыта»⁴.

Со всей решительностью Морган выступает и против расовых установок в истолковании развития человеческого общества, вытекающих из теории вырождения, согласно которой «все человеческие расы, кроме арийских и семитических народов, должны считаться ненормальными расами, отклонившимися от своего нормального состояния вследствие вырождения. Правда, арийская и семитическая нации представляют главные потоки человеческого прогресса, так как они довели его до высшего достигнутого до сих пор предела. Но существуют веские основания предполагать, что до их разделения на арийские и семитические племена они составляли часть недифференцированной массы варваров. Поскольку эти племена сами произошли в прошлом от варварских предков, а в еще более далеком прошлом — от диких предков, различие между «нормальными» и «ненормальными» расами теряет под собой почву»⁵.

Из вышеуказанного краткого изложения «Древнего общества» видно, как близко Морган подошел к историческому материализму и насколько важны его исследования для действительного понимания первобытного общества, для понимания его как первобытно-коммунистического общества. По блестящей оценке Ф. Энгельса, Морган в «Древнем обществе» «мастерски раскрывает первобытность и ее коммунизм. Стихийно заново открыл Марксову историческую теорию и заканчивает коммунистическими требованиями для сегодняшнего дня»⁶. «Морган позволяет нам установить совершенно новые точки зрения; он дает нам своей доисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу»⁷.

Маркс и Энгельс всегда уделяли большое внимание вопросам первобытной истории. В основных чертах их учение о первобытном коммунистическом состоянии общества было изложено уже в «Немецкой идеологии». В последующих своих работах они неоднократно останавливаются на дальнейшей разработке этих вопросов. В особенности много занимался первобытностью Маркс. Он тщательно следил за выходящей по этим вопросам литературе и первый из обоих основоположников «открыл» Моргана. «Не кто иной, говорит Энгельс, как сам Карл Маркс намеревался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными... материалистического понимания истории и тем осветить все их значение»⁸. Преждевременная смерть помешала Марксу осуществить свое намерение, и задача «изложить результаты исследований Моргана в связи с данными... материалистического понимания истории и тем осветить все их значение» пала на Энгельса, написавшего с этой целью блестящую работу: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», при подготовке которой использовал и подробные выписки Маркса из Моргана и его критические замечания. Энгельс не ограничился простым пересказом «Древнего общества», ибо «было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, используя

¹ «Древнее общество», стр. 7.

² Там же, стр. 329.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 301—305.

⁶ Ф. Энгельс. Письмо к Ф. Зорге, от 7/III 1884 г. Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. Спб. 1908, стр. 205. — Здесь дается более точный перевод.

⁷ Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому, от 26/IV 1884 г. Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 251.

⁸ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 19.

яновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными результатами»¹. Критически истолкованный и обогащенный результатами экономических и исторических работ Маркса и Энгельса, Морган вошел в железный инвентарь марксизма, и сейчас невозможна ни одна марксистская работа по доистории без той фактической основы и тех точек зрения, которые дал Морган.

Совершенно по-иному встретила работы Моргана буржуазная наука. Ожесточенные нападки на Моргана начались с момента выхода в свет его «Систем родства и свойства в человеческой семье», в особенности они обострились после выхода «Древнего общества» и достигли своего апогея в писаниях современных буржуазных и социал-фашистских исследователей первобытного общества.

На возражения, сделанные Моргану в последней четверти прошлого века, нет нужды здесь останавливаться, они блестяще раскритикованы Энгельсом. Нашей задачей поэтому будет являться лишь краткое изложение тех «новых» открытий и методов, под флагом которых ведется наступление против Моргана современная буржуазная и социал-фашистская наука. Наиболее организованно выступают против Моргана два господствующих направления современной буржуазной этнологии, оба, кстати сказать, по существу своему не только антиреволюционные, но и ангажированные, а именно — культурно-историческая школа, руководимая патерами В. Шмидтом и В. Копперсом (называющая себя исторической этнологией) и так называемая американская школа исторической антропологии, возглавляемая Р. Лоуи.

Наиболее ярко выразил отношение современной буржуазной науки к Моргану и его «Древнему обществу» Р. Лоуи в предисловии к своему «Первобытному обществу», изданному на смену «Древнему обществу» Моргана. «С 1877 г., говорит Р. Лоуи, антропологи не только собрали массу конкретного материала, но и развернули новые методы и воззрения: это заставляет признать Моргана безнадежно устаревшим. Его труд остается крупным, открывающим новые пути произведением человека, обладающего большим умом и примерным трудолюбием, но черпать оттуда познания о первобытном обществе в наше время — это то же, что изучать биологию по работам какого-нибудь натуралиста до-дарвиновской эпохи»².

Современные опровергатели Моргана уже не скрывают смысл и цель своего наступления на Моргана. Прекрасно учитывая ту исключительную роль, которую объективно сыграло эволюционное учение Моргана в подведении фактической основы под марксистское учение о первобытном коммунистическом обществе, они прилагают все усилия, чтобы разбить это учение и тем самым уничтожить «историческую подпорку социалистической системы»³.

«Представители научного социализма, — говорит В. Копперс, один из виднейших вождей культурно-исторической школы, о связи марксизма с эволюционной этнологией Моргана, — сразу подметили, что современная этнология являлась их опорой в... трех основных вопросах. Согласно этой этнологии частная собственность также представляет собою относительно позднее явление в развитии человечества и, следовательно, в первобытные времена господствовал коммунизм. Далее этнология учила, что моногамная отцовско-правовая семья является верхней ступенью на лестнице общественного развития; вначале здесь господствовал половой промискуитет, отсутствие семьи; дальнейшее развитие проходило через организованную на материнско-правовой основе семью к отцовско-правовой семье исторических времен. В заключение эволюционная этнология говорила о первобытном коммунистическом государстве (kommunistische Urstaat), в противоположность развившимся позднее государственным образованиям, или о приоритете государства перед семьей»⁴.

Для преодоления трех «основных генетических принципов» марксизма, подкрепленных учением Моргана, культурно-историческая школа сконструировала теорию культурных кругов, согласно которой «самый древний этнологический исторический культурный круг» характеризуется единобрачием, частной собственностью и единобожием. При обосновании этой теории ученые мракобесы не останавливаются перед самой грубой фальсификацией фактов.

Переходя к рассмотрению первого из этих «генетических вопросов», а именно вопроса о собственности у первобытных народов, Копперс говорит: «... Несмотря на известную скудность культуры этих народов, ничто у них не развито так определенно и ясно, как сознание собственности. В дальнейшем это сознание развивается у первобытных народов в индивидуальную, семейную и коммунальную собственность. Индивидуальная собственность состоит главным образом из орудий, инструментов и оружия. К семейной (а иногда и индивидуальной) собственности относятся: шалаши для жилья, продукты питания, фруктовые деревья, птичьи гнезда, ульи пчел и т. д. Коммунальной собственностью считается земля, т. е. тот участок, который служит членам группы (состоящей обычно из двух-четырех, а иногда и более семей) для охоты и собирания»⁵.

¹ Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому, от 26/IV 18⁹⁴ г. Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 251.

² R. Lowie. Primitive society, 1920, p. VI. Под таким же углом зрения рассматривает Моргана П. Ф. Преображенский, крупнейший сторонник культурно-исторической школы в СССР, в своей работе «Курс этнологии», Москва, 1929.

³ W. Koppers. Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens im Spiegel der neuen Völkerkunde. Gladbach 1921, S. 10.

⁴ Ibid., S. 17.

⁵ Ibid., S. 17—18

Отождествив таким образом собственность вообще с одной из ее исторических форм — частной собственностью, Копперс, конечно, не находит коммунизм у первобытных народов и патетически восклицает: «я думаю, вы теперь поймете, во что выливается первобытно-коммунистическое общество» эволюционно-социалистического учения. Перед приводимыми мною фактами оно разлетается в пух и прах»¹.

Как плохо все же обстоит дело с этим «уничтожением» первобытного коммунизма, чувствует и сам Копперс. При всем желании он не смог избавиться от признания того общеизвестного факта, что земля у первобытных племен находится в общем владении, и поэтому, скрепя сердце, допускает «частичный коммунизм», но ловкость рук и здесь спасает положение, теория культурных кругов позволяет утверждать, что в ряду различных культурных кругов... народы; имеющие такой частично-коммунистический общественный строй, от народов первобытных времен отделены, по крайней мере, четырьмя-пятью ступенями, а может быть, и больше»².

Столь «победоносно» покончив с теорией первобытного коммунизма, Копперс переходит к вопросу о развитии семьи и брака. «Теперь мы посмотрим, говорит Копперс, как обстоит дело с другим учением, перенятым социалистами от эволюционной этнологии, с учением о первобытном промискуитете полов, вернее говоря, с учением о приоритете материнско-правовой семьи перед отцовско-правовой семьей»³.

Выдав широко распространенную среди первобытных народов парную семью за моногамную и приписав Моргану и Энгельсу признание промискуитета у современных первобытных народов, Копперс заявляет, что «предположение о беспорядочном промискуитете полов, первоначальное проституированное отсутствие семьи, в корне противоречит тем фактам, которые дошли до нас в отношении первобытных народов. Все эти народы не только знакомы с институтом семьи, но и институт этот встречается у них повсюду в моногамной форме, которая почти всегда имеет силу на всю жизнь»⁴.

«Приоритет материнско-правовой семьи над отцовско-правовой, продолжает Копперс, также ни на чем не основывается. Представители научного социализма поэтому так восхищались мнимым старшинством материнско-правовой семьи, что, по их мнению, организованная на основе материнского права семья казалась вполне совместимой с коммунистическим ведением хозяйства»⁵. Все же факты — упрямая вещь. Они показывают бесспорное наличие у ряда современных примитивных народов материнско-правовой семьи и ее переход в отцовско-правовую семью. Не имея возможности замолчать эти общеизвестные факты, Копперс старается, по крайней мере, отрицать их первобытность. «...Хотя материнское право, говорят Копперс, и широко распространено, но оказывается, что оно первоначально является лишь достоянием одного культурного круга, а именно того, в котором женщина развила первобытный сбор растений в первую культуру таковой»⁶.

«В заключение следует упомянуть, замечает Копперс, что у тех частично-коммунистически организованных народов, о которых говорилось раньше, действительно в большей или меньшей степени существовал институт материнского права. Существует несомненная связь между обоими явлениями, но ни материнское право, ни частичный коммунизм не являются институтами первобытных времен»⁷.

С третьим учением эволюционной социологии, а именно с учением о «первобытном коммунистическом государстве» (kommunistische Urstaat), Копперс кончает молниеносно. Действительно, «раз первобытные народы не имели коммунистической организации, то и не могло быть никакого коммунистического государства»⁸. Что же касается другой стороны этого вопроса, т. е. приоритета государства над семьей, то тут тоже «совершенно очевидно, что такое первобытное государство воспринимается лишь как дополнение семьи; обычно оно вмешивается лишь в тех случаях, когда авторитет и власть отдельной семьи оказываются недостаточными. Совершенно ясно, что при таких обстоятельствах может остаться от учения о приоритете государства перед семьей»⁹. Следовательно, приоритет семьи перед обществом налицо.

Но к чему же приводят эти «новые» воззрения? На это выразительно отвечает сам Копперс: «Новейшая этно-социология снова оправдала старую социологическую теорию, что общественное развитие началось с отдельной семьи»¹⁰. «Новейшая этнология» вернулась от Моргана к библии.

Не отстают от своих буржуазно-клерикальных собратий и социал-фашистские «исследователи» первобытной истории. Неважно, что в критике Энгельса и Моргана они должны опираться не на свои оригинальные мысли и факты, которых у них нет, а целиком исходить из установок культурно-исторической школы (Г. Кунов) и Леббока (К. Каутский). Было бы старание. В качестве примера приведу высказывания Кунова о первобытном коммунизме, почти ничем не отличимые от концепции Копперса. Несмотря на свою неприязнь к «эко-

¹ W. Koppers, loc. cit., S. 18.

² Ibid., S. 18.

³ Ibid., S. 19.

⁴ Ibid., S. 19.

⁵ Ibid., S. 19.

⁶ Ibid., S. 20.

⁷ Ibid., S. 20.

⁸ Ibid., S. 21.

⁹ Ibid., S. 21.

¹⁰ Ibid., S. 21.

номической басне» о первобытном коммунизме, Г. Кунов фактами вынуждается признать первобытный коммунизм. «Итак, говорит он в одной из своих работ, первобытный коммунизм, правда, существует, но уже на самых ранних ступенях хозяйственного развития он принимает весьма разнообразные формы и стоит в тесной связи с расчленением племен на тотемные союзы, семейные роды, домашние общины и т. д.». «К тому же примитивный коммунизм распространяется всегда прежде всего только на землю... А все то, что каждый соорудил сам или приобрел собственным трудом, представляет личную его собственность». Уже на низших хозяйственных ступенях мы находим ярко выраженную идею «собственности»; различие с более поздним временем состоит лишь в том, что тогда дикарь владел лишь не многим и мог приобрести не много из того, что можно определить, как «собственность»...»¹.

Кунов, в конечном счете, также сторонник изначальности индивидуальной семьи и брака. «Первоначально в небольшой семье господствует... свободное беспорядочное половое общение, не считаясь с кровными связями... Этим не сказано, что мужчина имел половое общение сегодня с одной, завтра с другой женщиной. Таких диких, многообразных половых сношений не допускали обстоятельства». «Я не хочу утверждать, что сегодняшняя моногамия является первоначальным явлением... «Индивидуальный брак» доисторических времен походит скорее на нетвердую связь, которую Морган называет парным браком»².

Кабинетным измышлениям Шмидтов и Куновых, Копперсов и Каутских противостоят действительные факты, собранные многочисленными путешественниками и этнологами после выхода в свет «Древнего общества». Даже вкратце нет возможности изложить все то огромное количество материалов, полностью подтверждающих основные положения Моргана, поэтому ограничимся свидетельством двух крупнейших этнологов послеморгановской эпохи — Л. Штернберга и В. Риверса.

В своих ранних работах о гиляках и орочах, написанных во время пребывания в ссылке на Сахалине и на Амуре, Штернберг приводит исключительно интересный материал, показывающий пережитки первобытного коммунизма у этих народов. Штернбергу первому удалось открыть классификаторскую систему родства и групповой брак у указанных выше народов и показать, что они по существу не отличаются от соответствующих систем у дравидийских и американо-индейских племен. Эти исследования дали ему возможность прийти к заключению, что «брачная система народов дравидийских отныне не отделена от американских представителей этой системы. Эта связь, которую Морган так страстно искал, но найти не мог, и которую он так гениально провидел, теперь найдена»³.

Тщательно изучив гиляцкую систему родства и брака, Штернберг приходит к заключению, что она «вполне подтверждает основную гипотезу Л. Моргана, что термины родства являются результатом соответствующих половых норм, норм брака. То, что у Моргана являлось лишь умозаключением, в гиляцкой жизни мы видим на деле в наиболее полной мере. Если гиляк называет группу женщин термином «жена», то эти женщины действительно являются для него в соответственном смысле женами. Если гиляк называет известную группу мужчин отцами, то это — действительно лица, которые имеют половые права на его мать»⁴.

На важность исследований Штернберга, подтвердившего реальность группового брака и правильность моргановского метода восстановления древних форм семьи и брака при помощи анализа классификаторской системы родства, обратил свое внимание Энгельс и перевел на немецкий язык отчет о докладе Штернберга, помещенный в «Русских ведомостях» за 1892 г.⁵

Материалы, собранные Штернбергом, не только подкрепили учение Моргана, но и дают новые аргументы для борьбы с «опровергателями» Моргана. Убедительно показывает Штернберг несерьезность обычно выставляемого против теории Моргана возражения о необъяснимости класса матерей, так как мать человека, мол, всегда известна. Этот класс «объясняется из норм половых отношений у гиляков совершенно просто. Матерью гиляку называется всякую женщину, с которой лица класса его отцов имеют право половых отношений»⁶.

Так же «... совершенно неосновательно, пишет Штернберг, возражение Кунова, что классификационные термины обозначают лишь возрастные классы. В гиляцкой действительности возраст никакой роли не играет. Мой классовый «отец» может быть моложе меня и тем не менее он не может жениться на женщине класса моих жен, но он наоборот, должен жениться на женщине из класса жен моего настоящего отца и по достижении зрелости он будет фактически мужем моей матери»⁷.

Выступая против Каутского, извращающего действительный смысл классификаторской системы родства и объясняющего ее лишь как систему счета поколений, не имеющую реального основания половых отношений, Штернберг указывает:

¹ Г. Кунов. Первобытный коммунизм, Харьков, 1926, стр. 55.

² Г. Кунов. Историческая теория Маркса, т. II, стр. 114.

³ Л. Штернберг. Турано-ганованская система народов северо-восточной Азии. В его сб. «Семья и род у народов северо-восточной Азии». Научно-Исследовательская Ассоциация Института Народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии, т. III, стр. 158.

⁴ Он же. Социальная организация гиляков. Указ. выше сб., стр. 117.

⁵ Ф. Энгельс. Новый открытый случай группового брака. «Происхождение...», стр. 155—8.

⁶ Л. Штернберг. Социальная организация гиляков. Указ. сб., стр. 117.

⁷ Там же стр. 118.

«Классификаторская система родства у тунгусских племен... должна удовлетворить оппонентов; она неуязвима в смысле фикции, но в то же время не совпадает со счетом поколений, потому что братья моего отца во всяком случае скорее принадлежат к поколению моего отца, чем к моему, а между тем тех братьев отца, относительно жен которых я имею право на половые сношения, я зову тем же термином ага, что и своих старших братьев, или жену своего младшего брата, то есть женщину, принадлежащую к моему поколению, я называю тем же термином отале, что и дочь младшей сестры, которая принадлежит к поколению моих детей. Зачем же тогда эти термины, если они не счет поколений, как думает Каутский, и в то же время слишком общи, чтобы сделать ясной степень родства?

А вот для чего. Они дают возможность легко и скоро, не обременяя памяти, ориентироваться в своих правах и обязанностях»¹.

Из-за недостатка места нет возможности останавливаться на изысканиях В. Риверса, лучшего знатока социального строя дравидийских народов, также полностью подтверждающего реальность группового брака и правильность морганинской теории о связи классификаторской системы родства с соответствующими формами семьи и брака. «Групповой брак, обобщает свои исследования по этому вопросу Риверс, — или организованный половой коммунизм, который Морган принял за промежуточную ступень между промискуитетом и моногамией, находит себе больше подтверждений. Многие черты классификаторской системы, которые иначе трудно было бы объяснить, становятся понятными, если допустить, что они произошли от такого состояния общества, в котором группа мужчин сообща обладала группой женщин»².

В заключение надо сказать, что нет ни одного положения Моргана, которое не подвергалось бы со стороны буржуазных и социал-фашистских исследователей оспариванию и самой резкой критике. Третирование Моргана и его учения стало хорошим «доисторическим тоном» современной буржуазной науки. Вопросы первобытной истории столь блестяще освещенные Морганом в «Древнем обществе», стали вопросами большой политической актуальности. Фальсификацией первобытной истории буржуазия и ее социал-фашистские приспешники пытаются доказать извечность частной собственности, моногамной семьи и единобожия и, следовательно, закономерность вечного существования общества, построенного на эксплуатации человека человеком. Но все же, несмотря ни на что, учение Моргана, критически просмотренное и обновленное Энгельсом, выдержало все испытания и с каждым днем находит свои новые и новые подтверждения.

Полную силу сохранили слова Энгельса, высказанные им в 1891 году, т. е. более чем 40 лет тому назад: «четырнадцать лет, истекшие со времени появления его главного труда, сильно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессионалам-исследователям первобытной истории присоединились представители сравнительной юриспруденции, которые дали частью новый материал, частью новые точки зрения. Некоторые частные гипотезы Моргана были тем самым поколеблены и даже опровергнуты. Но нигде вновь собранный материал не заставил заменить его основные, главные взгляды другими.

В основных чертах внесенный им в первобытную историю порядок остается в силе и до сих пор»³.

В отличие от первого русского издания, сделанного с немецкого, настоящее издание «Древнего общества» переведено непосредственно с оригинала. В соответствии с этим оно носит не заголовок: «Первобытное общество», что соответствует названию книги Моргана в немецком переводе (Urgesellschaft), а название: «Древнее общество», данное самим автором (Ancient society). Перевод настоящего издания осуществлен под руководством М. О. Косвена, которому принадлежит и указатель авторов. В приложении впервые в русском переводе дается предисловие Моргана к работе известных исследователей Австралии Л. Файсона и А. Хаунта, дополняющее третью часть «Древнего общества».

В качестве введения помещается предисловие Ф. Энгельса к 4-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», первоначально напечатанное в „Die Neue Zeit“, под заглавием «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)».

В заключение, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Д. Б. Джилкристу (Rush Rhees Library, Rochester University, New York — Rochester) за любезное предоставление портрета и автографов Л. Г. Моргана для использования в настоящем издании.

Я. П. Алькор.

¹ Л. Штернберг. Семья и род у орочей Татарского пролива. Там же, стр. 17.

² W. Rivers. Social organisation. London. 1924. Supplement, p. 78.

³ Ф. Энгельс. Происхождение... стр. 30.

К ДОИСТОРИИ СЕМЬИ

(Бахофен, Мак Леннан, Морган)

До начала шестидесятых годов говорить об истории семьи не приходится. В этой области историческая наука находилась еще всецело под влиянием моисеева Пятикнижия. Изображенная в нем подробнее, чем где-либо, патриархальная форма семьи не только безоговорочно принималась за древнейшую форму, но и отождествлялась — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что, в сущности говоря, семья как бы вообще не проделала никакого исторического развития; самое большее — допускалось, что в первобытные времена мог быть период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия, были известны еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в историческом порядке, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение определяется не по отцу, а по матери, и что, следовательно, женская линия считается единственно правомерной; что у многих современных народов воспрещаются браки внутри определенных, более или менее крупных, но тогда еще ближе не исследованных групп, и что этот обычай встречается во всех частях света, — эти факты были известны, при чем все время собирались новые примеры такого рода. Но что с ними делать — никто не знал, и даже еще в «*Researches into the Early History of Mankind*» etc. Э. Б. Тэйлора (1865) они упоминаются просто как «странные обычаи» наряду с существующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящим дровам железным орудием и тому подобными религиозными мелочами.

Начало истории семьи положено было в 1861 г., когда вышло в свет «Материнское право» Бахофена. Автор выставляет следующие положения: 1) что вначале люди жили в беспорядочном половом общении, которое он обозначает неудачным словом «гетеризм»; 2) что такие отношения исключают всякую возможность установить с достоверностью отца, что поэтому происхождение можно было обозначить лишь по женской линии — по материнскому праву — и что это первоначально имело место у всех народов древности; 3) что вследствие этого женщины, как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокой степенью уважения и почета, которая, по мнению Бахофена, доходила до полного господства женщин (гинекократия); 4) что переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, заключал в себе нарушение древнего религиозного завета (т. е. в действительности — нарушение исконного прав остальных мужчин на эту женщину), которое или требовало наказания или если терпелось, то должно было быть искуплено тем, что женщина в течение некоторого времени отдается другим.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с величайшей тщательностью собранных цитатах из древне-классической литературы. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков — вследствие дальнейшего развития религиозных идей, внедрения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, представительницу старых взглядов, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, по Бахофену, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. Согласно этому Бахофен толкует «Орестею» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом. Ради своего любовника Эгиста Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, возвращавшегося с Троянской войны; но сын ее и Агамемнона, Орест, мстит за

убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют Эриннии, демонические хранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, самое неискупимое преступление. Но Аполлон, через своего оракула подстрекнувший Ореста на это дело, и Афина, призванная в качестве судьи. — оба бога, представляющие здесь новый, отцовско-правовой строй, — защищают его; Афина выслушивает обе стороны. Весь спорный вопрос сжато формулируется в прениях, происходящих между Орестом и Эринниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив своего супруга, а вместе с тем и его отца. Почему же Эриннии преследуют его, а не ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«Она не была в кровном родстве с человеком, которого убила».

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он — муж убийцы, может быть искуплено, оно Эринний не касается; их дело — лишь преследовать убийства среди родственников по крови, а тут, по материнскому праву, тягчайшим и наиболее неискупимым является убийство матери. Но вот Аполлон выступает в качестве защитника Ореста; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага — афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина как председательница подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами Эриннии, побеждают Эринний, и последние в конце концов дают еще уговорить себя занять новый пост на службе новому порядку вещей.

Это новое и безусловно правильное толкование «Орестей» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест всей книги Бахофена, но вместе с тем оно доказывает, что он, по крайней мере, так же верит в Эринний, Аполлона и Афину, как в свое время Эсхил; а именно, он верит, что они совершили в греческую героическую эпоху чудо: исправили материнское право и заменили его отцовским. Ясно, что такое понимание, по которому религия оказывается главным рычагом мировой истории, сводится, в конце концов, к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги пролагателя нового пути; он первый на место фразы о неизвестном первобытном состоянии с беспорядочными половыми отношениями привел доказательства, что в древне-классической литературе имеется множество следов того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое положение, когда не только один мужчина вступал в половое общение с несколькими женщинами, несколько не нарушая обычая, но и одна женщина — с несколькими мужчинами; что этот обычай не исчез бесследно, а оставил следы в том отношении, что женщины должны были покупать себе право на единобрачие ценой их временной отдачи себя другим мужчинам, что поэтому происхождение первоначально могло считаться только по женской линии, от матери к матери; что исключительная значимость женской линии сохранялась еще долго спустя, в период единобрачия с установленным или все же признаваемым отцовством; что это первоначальное положение матерей, как единственных достоверных родителей своих детей, обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще более высокое общественное положение, чем они с тех пор когда-либо занимали. Правда, Бахофен не высказал этих положений с такой ясностью, — этому мешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, а это означало в 1861 г. настоящую революцию.

Толстый том *in quarto* Бахофена был написан по-немецки, т. е. на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась первобытной историей современной семьи. Поэтому книга осталась незамеченной. Ближайший преемник Бахофена на этом поприще выступил в 1864 г., никогда не слышав о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак Леннан, прямая противоположность его предшественника. Вместо гениального мистика мы имеем в его лице сухого юриста; вместо буйной поэтической фантазии — правдоподобные комбинации выступающего в суде адвоката. Мак Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених должен, один или со своими друзьями, якобы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай, должно быть, является пережитком прежнего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали своих жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак умыканием»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени — для такого брака не было никакого повода. Но мы находим столь же часто, что у неразвитых народов существуют известные группы (около 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых браки запрещены, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей вне пределов своей группы, между тем как у других существует обычай, по которому мужчины известной группы обязаны брать себе жен только внутри своей собственной группы. Мак Леннан называет первые экзогамными, вторые эндогамными и без дальнейших околичностей устанавливает резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его собственное исследование экзогамии наталкивает его прямо носом на тот факт, что эта противоположность во многих, если не в большинстве, или даже во всех случаях существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу всей своей теории. Отсюда — экзогамные племена могут брать себе жен только из других племен, а при соответствующем периоде дикости состояния непрерывной войны между племенами это может совершаться лишь путем похищения.

Мак Леннан спрашивает далее: откуда этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешительстве не могут иметь с ним ничего общего: это — явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело — широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Отсюда в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, необходимым ближайшим последствием которого является общность одной жены для нескольких мужчин: многомужество. В свою очередь, его следствием является то, что было известно, кто мать ребенка, но не кто его отец, и отсюда счет родства лишь по женской линии с исключением мужской — материнское право. А вторым следствием недостатка женщин внутри племени, — недостатка смягчаемого, но не устранимого многомужеством, — был именно систематический, насильственный увод женщин чужих племен. «Так как экзогамия и многомужество пристекают от одной и той же причины — неравенства численности обоих полов, — то мы должны считать, что все экзогамные расы первоначально практиковали многомужество... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знает кровные узы лишь с материнской стороны» (Mac Lennan, *Studies in Ancient History*. 1876. *Primitive Marriage*, p. 124).

Заслуга Мак Леннана в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того, что он называет экзогамией. Факта существования экзогамных групп он отнюдь не открыл и уж совершенно не понял его. Не говоря о более ранних отдельных замечаниях многих наблюдателей — они-то и были источниками Мак Леннана, — Латам (*Descriptive Ethnology*, 1859) подробно и правильно описал этот порядок у индийских магаров и указал, что он распространен повсеместно и встречается во всех частях света, — место, которое цитирует сам Мак Леннан. Да и наш Морган также еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (в *American Review*) и в 1851 г. в *The League of the Iroquois* доказал и правильно описал его у этого племени, между тем как адвокатский ум Мак Леннана, как мы увидим, создал тут гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в области материнского права. Дальнейшая заслуга Мак Леннана заключается в том, что он признал материнско-правовой порядок происхождения первоначальным, хотя в этом отношении, как и сам позже признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него нет ясности; он говорит постоянно о «родстве только по женской линии» (*kinship through females only*) и постоянно применяет это выражение, правильное для более ранней ступени, также к позднейшим ступеням развития, когда, правда, происхождение и право наследования считаются исключительно по женской линии, но родство признается и определяется и с мужской стороны. Это — ограниченность юриста, который создает себе определенную правовую формулу и продолжает применять ее в неизменном виде также к условиям, сделавшим ее тем временем неприменимой.

Кажется, однако, что при всей правдоподобности теории Мак Леннана она самому ее автору представлялась не очень-то прочно обоснованной. По крайней мере, ему самому бросается в глаза «этот поразительный факт, что форма [многого] похищения женщин наиболее ясно и определенно выражена как раз у тех народов, у которых господствует мужское родство» [т. е. происхождение по мужской линии] (стр. 140). И далее: «Удивительно то, что, насколько нам известно, детоубийство нигде не практикуется систематически, когда рядом существуют экзогамия и старейшая форма родства» (стр. 146). И то, и другое — факты, которые непосредственно бьют по его же толкованию и которым он может противопоставить лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Несмотря на это, его теория встретила в Англии большое одобрение и сочувствие. Мак Леннан всеми считался здесь основоположником истории семьи и первым авторитетом в этой области. Его противоположение экзогамных и эндогамных «племен» одно другому, вопреки неоднократно установленным исключениям и видоизменениям, оставалось общепризнанной основой господствовавших взглядов и превратилось в шоры, делавшие невозможным свободный обзор исследуемой области, а тем самым и всякий решительный прогресс. В противовес ставшей обычной в Англии, а по английскому образцу и в других странах, переоценке Мак Леннана следует подчеркнуть, что своим основанным целиком на недоразумении противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен» он причинил больше вреда, чем принес пользы своими исследованиями.

Между тем уже очень скоро начали всплывать все более многочисленные факты, не уместившиеся в его искусственные рамки. Мак Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но раз на этот пункт было обращено внимание, начало накапливаться все больше и больше доказательств, что у неразвитых народов встречаются формы брака, когда ряд мужчин совместно владеет рядом женщин; и Леббок (*The Origin of Civilization*, 1870) признал этот групповой брак (*communal marriage*) историческим фактом.

Вслед затем, в 1871 г., выступил Морган с новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что свойственная ирокезам своеобразная система родства обща всем туземцам Соединенных Штатов и, следовательно, распространена по всему матерiku, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он побудил американское союзное правительство собрать, на основании составленного им самим вопросника и таблиц, сведения о системах родства у прочих народов и увидел из ответов: 1) что американско-индейская система родства существует также у многочисленных племен в Азии и, в несколько видоизмененной форме, в Африке и Австралии; 2) что система эта вполне объясняется формой группового брака.

находящегося как раз в стадии вымирания на Гавайи и других австралийских островах; 3) но что наряду с этой формой брака на тех же островах существует система родства, которая может быть объяснена только еще более примитивной, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения, вместе со своими выводами из них, он опубликовал в своей работе „*Systems of Consanguinity and Affinity*“, 1871, и тем самым перенес спор в бесконечно более обширную область. Исходя из систем родства и восстанавливая на их основе соответствующие им формы семьи, он открыл новый путь исследования и возможность дальше заглянуть в доисторический период человечества. Восторжествовал этот метод — и затейливые постройки Мак Леннана разлетелись бы в прах.

Мак Леннан защищал свою теорию в новом издании „*Primitive Marriage*“ (*Studies in Ancient History*), 1876. Тогда как он сам комбинирует историю семьи чрезвычайно искусственно, исключительно при помощи гипотез, он требует от Леббока и Моргана не только доказательств для каждого их утверждения, но еще и таких доказательств неопровержимой силы, какие только и допускаются в шотландском суде. И так поступает человек, который из тесной связи между братом матери и сыном сестры у германцев (Tacitus, *Germania*, гл. 20), из рассказа Цезаря о том, что бритты имеют по десяти и двенадцати жен сообща, и из всех других рассказов древних писателей об общности жен у варваров делает без колебания вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Так и кажется, что слушаешь прокурора, который позволяет себе полную свободу в обращении с материалом обвинения, но зато от защитника требует наиформальнейшего, имеющего юридическую силу доказательства для каждого слова.

Групповой брак — чистейшая выдумка, утверждает он, и тем самым оказывается значительно позади Бахофена. Моргановские системы родства — по его мнению — простые правила общественной вежливости, о чем свидетельствует тот факт, что и к чужим, к белым, индейцы обращаются со словом «брат» или «отец». Это все равно, как если бы кто-нибудь захотел утверждать, что обозначения: отец, мать, брат, сестра — просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических священников и настоятелей также называют «отцами» и «матерями» и потому что монахи и монахини и даже массоны и члены английских цеховых союзов в торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами «брат» и «сестра». Словом, защита Мак Леннана была чрезвычайно слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором, он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но даже пользовалась всеобщим признанием как краеугольный камень всей истории семьи. Допускали, что попытка Мак Леннана объяснить эту противоположность недостаточна и противоречит фактам, приводимым им самим. Но самая противоположность, существование двух взаимно исключающих видов самостоятельных и независимых племен, из которых один берет жен внутри племени, между тем как другому это абсолютно воспрещено, — все это считалось неоспоримым евангелием. Сравни, например, Жиро-Тэлона „*Origines de la famille*“ (1874) и даже еще леббоковское „*Origin of Civilization*“ (4-е издание, 1882).

Этот пункт является исходным для главного труда Моргана „*Ancient Society*“ (1877), — труд, который положен в основу предлагаемой работы. То, что в 1871 г. Морган лишь смутно подозревал, тут развито с полной отчетливостью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в ту эпоху, когда господствовал еще групповой брак, — а он, по всей вероятности, некогда господствовал везде, — племя расчленялось на ряд кровнородственных по материнской линии групп, родов, *gentes*, внутри которых господствовало строгое запрещение браков, так что мужчины одного рода, хотя и могли брать себе жен внутри племени и по общему правилу тут их и брали, но должны были брать их вне пределов своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то охватывающее всю совокупность родов племя было в такой же степени эндогамным. Этим был окончательно низвергнут последний эстаток искусственных построений Мак Леннана.

Но Морган этим не удовольствовался. Род американских индейцев послужил ему, далее, к тому, чтобы сделать второй решительный шаг вперед в исследуемой им области. В этом по материнскому праву организованном роде он открыл первичную форму, из которой развился позднейший, по отцовскому праву организованный род, каким мы его находим у античных культурных народов. Греческий и римский род, бывший до того загадкой для всех историков, был объяснен из индейского рода, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это раскрытие первичного материнско-правового рода, как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как дарвиновская теория развития для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые начертать историю семьи, в которой, по крайней мере предварительно, установлены в общих чертах классические ступени развития, поскольку позволяет это сделать известный ныне материал. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Материнско-правовой род стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся эта наука; сдвинуто время его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует искать и как нужно группировать найденное. Поэтому-то теперь в этой области достигаются успехи гораздо скорее, чем до появления книги Моргана.

Открытия Моргана теперь признаны или, вернее, присвоены всеми исследователями